

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

И

СКАТЕЛЬ

2

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1976

Д. БИЛЕНКИН

СНЕГА ОЛИМПА

Фантастический рассказ

Двадцать километров подъема остались позади, в синеватой мгле, в оранжевом проблеске зари, остальные широким и мощным размахом уходили в небо. Долго перед глазами Вуколова с Омриным был склон, только склон, упорное восхождение, которое словно и не приближало к цели: так одинаково мрачный путь упирался в небо, где отрешенно горели звезды. Лишь привал на гребне ошеломительно распахнул пространство. Взгляд падал в бездну, смятенно искал в ней привычные пропорции и масштабы, но едва находил, как разум спешил поправить ошибку. Ибо то, что виднелось отсюда пологом ночного тумана, было всей толщей атмосферы, а что казалось скалистой грядой — составляло могучий горный хребет. И вся ширь зари сокращалась отсюда до размера вдернутой во мрак цветной шерстинки.

Тихо было, как на плывущем облаке. Тонко звенела кровь в ушах, взгляд, успокаиваясь, парил над бездной, тело охватывала невесомость, и лишь твердь камня напоминала сознанию о грубой материальности мира.

Люди сидели как замороженные.

— Недолгое счастье Френсиса Макомбера, — отдаваясь прихотливому течению мыслей, прошептал Вуколов.

— Недолгое счастье Френсиса Макомбера, — эхом отозвался Омрин.

И снова упало молчание, вечное там, где не может быть ветра. Текли минуты, оба продолжали сидеть неподвижно.

Чем было для них сказанное? По какой логике им вспомнился давний рассказ Хемингуэя? Что общего было у них с Макомбером? Этого они и сами не смогли бы объяснить.

Вуколов то и дело возвращался мыслями к своему прошлому, которое отсюда казалось далеким, маленьким, настоящим, как пейзаж в перевернутом бинокле. Мальчик с льняными волосами, который босыми ногами месит теплую пыль, — неужели это был он? Неужели тот длинноволосый юноша, который в прокуренной комнате среди таких же неистовых юнцов о чем-то спорил до хрипоты, — был тоже он? Или тот подтянутый, переполненный энергией молодой ученый на кафедре? Странно... Или та беспросветная ночь, когда он узнал, что любимая его не любит и все безнадежно, — она была? Неужели вот эта минута над бездной бездн — продолжение его прошлого?

Так оно и было, и Вуколов смиренно подивился тому жизненному зигзагу, который привел его сюда. Можно было считать почти запрограммированным, почти неизбежным и то, что он когда-то бродил босиком, и то, что мальчишка стал подающим надежды ученым, и то, что он страдал от безнадежной любви, и даже то, что он очутился на Марсе. Почему бы и нет, в конце концов? Правда, из миллиардов людей на Марс попадали лишь сотни, но уж они-то были направлены туда волей человечества, столь же неуклонной, как сила, движущая планеты по их орбитам. А вот в том, что он, Вуколов, оказался здесь, не было никакой закономерности, по крайней мере логической. Скорей это произошло вопреки логике да и здравому смыслу тоже. Не было очевидной цели, которая бы заставила их карабкаться в эту гбру. Петрографическое исследование вершины? Да, возможно. Но если честно, то это оправдание перед совестью. Просто он поддался на уговоры Омрина. Просто ему хотелось осилить гору, и он дал себя убедить, что это нужно для науки. Желание, шальной порыв, если разобраться, не более. Все остальное придумано. И вот он здесь.

Какая-то чертовщина, если вдуматься! Один век сменялся другим, а люди и не думали подниматься в горы. То есть туда, конечно, шли, очень даже шли, но лишь затем, чтобы проложить тропу, достигнуть пастбища, провести караван, укрыться от набега. Все это ясные, самоочевидные насущные потребности. Людей интересовали перевалы, богатые золотом или медью склоны, удобные для рекогносцировки вершины, а поднебесные кручи — нет. Зачем ку-

да-то лезть без надобности? Когда Петрарка затеял подняться на какую-то там плюгавую вершинку в предгорьях Альп, куда мог взойти любой, но куда на памяти местных жителей никто не поднимался, он испытывал смущение. Он опасался насмешек, но еще более его обескураживал собственный порыв. Ведь никто не лезет в гору без дела. А он полез. Бог или дьявол нашептал это желание?

Альпинизм — плод досуга. Пусть так. Досуг кое у кого был и раньше, и у древних греков он был, но письменные свидетельства молчат о желании Сократа, Платона или Аристотеля взойти на Олимп. О том, что кто-то из их современников взбирался на Олимп. Позже — да: когда умерли боги.

А с девятнадцатого века началось. Десятки, сотни, потом тысячи, миллионы горопроходцев. Движение, по сравнению с которым великое переселение народов пустяк. Да, спорт, да, закалка и школа мужества. Но не оправдание ли это задним числом нерассуждающей страсти? Ведь горы многих карали увечьями и смертью. Сомнительная, как ни погляди, выгода для здоровья и мужества. И что же? Нет, как правило, никакой практической пользы, нет осязаемой цели, ну и не надо, будем лезть просто так!

И он, Вуколов, лез. На Земле. Теперь вот лезет на Марсе. Просто так.

Прекрасная бессмыслица...

Положенные минуты отдыха истекли. Омрин с Вуколовым встали, молча повернулись спиной к бездне и мерным, коротким шагом двинулись вверх по склону.

Вуколов сделал это с сожалением. Задержаться хотя бы на час... Но мимо и дальше, что бы ни встретилось по пути, — так было в его жизни уже много-много раз.

Занимался третий день восхождения. Глубоко внизу свет зари разгорелся настолько, что проступили очертания скал. Небо по контрасту стало еще черней и как бы бросало на склон траурную тень. Сумрачный путь среди лав наводил уныние. Ничья фантазия не могла бы придумать ничего более тоскливого, чем каменные поля под черным пологом неба, и когда жидкий свет солнца отразил тень, то Вуколов вздрогнул, увидев, как она движется, нелепо и тотчас воспроизводя все их жесты. Так могли бы двигаться души в стране усопших, и, конечно, там был бы именно такой пейзаж.

Шаг, шаг, шаг. Хрусть, хрусть, хрусть... Подошвы давили черный шлак пемзы. Звук передавался не по воздуху, которого здесь практически не было, а шел по скафандру, по костям тела, и казалось, что непривычно и дико хрустят подошвы ног.

До сих пор жаловаться на трудности не приходилось. Гора не нагромождала серьезных препятствий и не требовала высшего мастерства. Не зря, выбирая маршрут, они столько часов изучали стереоснимки: на этом пути гора напоминала сильно увеличенный в размерах Эльбрус, только без ледников, снега и капризов погоды. День за днем,

час за часом длился упорный подъем, то, что альпинисты называют «ишачкой». На Земле столь долгое восхождение само по себе лишило бы человека сил на первом десятке километров, но здесь они сами, их скафандры и груз весили много меньше, чем на Земле. И уж совсем не надо было заботиться о дыхании, потому что на любой высоте скафандр подавал кислорода столько, сколько требовалось легким. Все же бесконечный подъем утомлял, и тело уже вскоре после привала уподоблялось безучастному механическому шагомеру.

Шаг, шаг, шаг. Хрусть, хрусть, хрусть...

Или, наоборот, беззвучие, когда нога ступала по рыхлому, серому, как и все остальное, песку.

Поле тяготения, которое они преодолевали, давило на плечи, наливая тело вязкой усталостью. Конечно, в действительности все обстояло наоборот: каждый километр подъема облегчал их вес. Но им казалось, что они расталкивают все плотнеющую толщу. Сердце, легкие, каждая клеточка мускулов работали на пределе, как у ныряльщика в подводной глубине. Только здесь напряжение растягивалось на долгие часы и бесконечные километры. Тело молило о спуске, но воля разума, не давая пощады, гнала его вверх.

Теперь вся жизнь Вуколова сосредоточилась в этом неуклонном подъеме, где ничего нельзя получить за так и где никаким ухищрением нельзя сократить положенное число шагов.

Поднялось и ярко брызнуло солнце, тени сгустились, как на Луне, небо стало глухим, аспидным, беззвездным. В угловатых камнях искрами запылали блески слюды и кварца.

Всего в километре от вершины путь преградила отвесная гряда скал, преодоление которой в обход или в лоб наверняка отняло бы много времени. Меж скалами, однако, оставался проход. И хотя зажатая среди скал каменная река была, вне сомнения, осыпью, она не внушала опасений — подобные встречались уже не раз. Они осторожно ступили на шаткий наплыв.

В первые минуты все шло как должно. Некрупные щербатые камни мертво лежали под ногами, и в просвеченном солнцем сужении скал уже виднелся близкий исток осыпи, когда внезапно каменный поток дрогнул и поплыл вниз. Секунду-другую длилось скрежещущее покачивание, от которого у обоих упало сердце, а потом все замерло. Они всего лишь сместились назад.

Однако новая, на пределе осторожности, попытка подняться вызвала тот же грозный шорох.

Выждав, пока шорох уймется, они взяли к скале, где по логике осыпь должна была обладать меньшей подвижностью.

Она дрогнула еще сильнее.

Шаг в сторону, затем назад, чтобы выбраться из осыпи, еще раз в сторону и опять назад! Но бесполезно. Сверху беззвучно, как это бывает во сне, запыгали камешки, и

один с силой ударил Омрина по голени. И всюду их ждал предостерегающий скрежет готового ринуться обвала.

На Земле это их не испугало бы. Позади не зияла бездна, там расстилался скат, по которому в случае чего можно было проехаться и с осыпью. При их опыте такой спуск грозил скорей всего лишь синяками и ссадинами.

Но здесь и этим нельзя было рисковать, ибо разрыв скафандра был куда опасней перелома. То, что прежде было преимуществом, теперь оборачивалось против них, лишний раз подтверждая, что в горах, как и в жизни, ничто не дается даром.

Неуверенным, точно у слепца, движением они вновь опробовали все вокруг и убедились, что надежду, как ни странно, дает лишь карабканье вверх по оси потока. Смещающая осыпь, оно все же не выводило ее из шаткого равновесия. И даже сохраняло кое-что из отвоёванной высоты. Пустяк, сантиметры, но и это был выигрыш!

Они не обменялись ни словом. Они и так поняли друг друга. Тут нечего было обсуждать, здесь не мог помочь никакой расчет, оставалось довериться интуиции. Одновременно кивнув, они вступили на ненадежный эскалатор, каменную, ползущую вниз лестницу гор.

Солнце светило в спину, но стены ущелья отражали его отовсюду. Камни полыхали мириадами искр. Вуколов, интуитивно выбирая наилучшую опору, осторожно ставил туда ногу, медленно утверждал ее, так же осторожно делал повторный шаг, и все равно на каком-то из них сползал, чтобы все начать в сотый, а может быть, тысячный раз. Климатизатор скафандра работал исправно, однако пот заливал лицо. Вуколов видел только жаркий отсвет камней, их хаос у ног: еще боковым зрением он охватывал искрящийся отвес скал, по которым только и мог судить о движении.

В этом томительном движении теперь заключалось все. Прошрое, настоящее, будущее. Ничего другого не было прежде, ничего иного не могло быть потом. Вверх — вниз, вверх — вниз, вверх — вниз... Шорох и скрежет, сухой блеск камня вокруг, так было всегда, он вечно был здесь, всегда карабкался, неизменно соскальзывал, снова цеплялся и лез. Лишь порой глухо саднила досада, почти отчаяние, что нет в мире лестниц, ползущих вверх, а все они безжалостно тянут вниз, если только, задыхаясь, не карабкаться им наперекор. В этом чудилась какая-то издевательская, обидная несправедливость, которая и обескураживала, и разжигала ярость упорства.

Он не думал о себе, не думал о шансах, лишь молоточками в ушах стучала кровь, и внимание, как в фокусе, перемещалось с глыбы, куда следовало поставить ногу, на поддержку товарища, которого уносило вниз. Иногда в поле зрения врывалась траурная полоса неба над головой. И она тоже была частью новой безвыходной жизни, как борьба за сантиметры, как шорох оседающего камня.

Сползая назад, он тянулся вверх, вверх, вверх... И длилось это вечно.

А потом внезапно все кончилось, и он лежал на твердой скале, без мысли вглядываясь в просторное небо. И Омрин лежал рядом, и было хорошо, только ноги еще шли по наплыву камней и медленно стихал стук сердца. Будущее вступало в свои права, оно казалось огромным и прекрасным, во веки веков нескончаемым.

Вершины они достигли в разгар дня.

Они стояли на гребне, как бы паря над Марсом. Слева был такой простор глубины и дали, что глаз видел туманную покатошь самой планеты. Склон с его скалами, осыпями и обрывами круто падал вниз, погружаясь постепенно в прозрачную синь воздуха. Сквозь эту синь отчетливо проступали ржавые, ссохшиеся выступы далеких гор, морщинистые складки равнин, затушеванные тенью трещины каньонов. Ближе к скату планеты воздух темнел, как вода в глубине, и красноватые барханы смотрелись оттуда донной рябью песка. Размываясь далью, они мутнели, чтобы на краю окончательно слиться с воздушной мглой.

И над всем в темном небе пылало белое солнце, не по-земному маленькое и ослепительное, чуть размытое по краям — то был слабый намек на невидимую сейчас корону.

Справа ниспадала другая бездна, — по склону, до дна залитая тенью воронка исполинского кратера. С расстояния десятков километров отчетливо виднелись бурые, черные, лиловые камешки противоположного борта, самый мелкий из которых в действительности мог увенчать любой земной пик.

Вуколов чувствовал себя омытым хрустальными потоками света, космическими здесь, где все было космическим, как в первый день мироздания. Воздух скафандра не изменился, но дышалось легко, привольно, сладостно, и кровь молодо пульсировала в каждой клеточке тела. И каменное оцепенение планеты лишь возбуждало эту бурлящую в нем жизнь. Кто сказал, что человек не вечен, подвержен тоске, старости, унынию? Кто? Вуколов чувствовал запас сил на века, и в нем, перехлестывая, бурлила радость.

— Никс. Олимпиа, — пробормотал он блаженно. — «Снега Олимпа» — вот вы, значит, какие...

Сияя, он обернулся к Омрину.

Тот стоял неподвижно. Его обычно меланхоличное, теперь замершее лицо было обращено к чему-то над головой Вуколова.

— Эй, лю-ю-юди! — заорал Вуколов во всю силу легких. — Мы ее взяли! Все-таки взяли!!!

Омрин вздрогнул, как разбуженный, и непонимающе уставился на Вуколова. Тут же, однако, его взгляд посветлел.

— Добавь еще, что мы первые, — сказал он со странной усмешкой в голосе.

Вуколов весело, по-детски заулыбался.

— Само собой разумеется и не столь существенно! — Он тряхнул головой.

— А что же существенно?

— Все. Все!

— Сядем, — внезапно предложил Омрин.

Вуколов с готовностью сел, тут же вскочил, словно не находя себе места, и снова сел.

— Вершина-то, а? — сказал Омрин. — Особая вершина, — добавил он с ударением. — Вертолет не может подняться — нет воздуха. Для ракеты мала площадка. Нужны ноги, чтобы взойти.

— Естественно, — рассеянно кивнул Вуколов. — В этом вся прелесть!

— В чем?

— В том... Да ты и сам понимаешь. Экий простор! — он сделал небрежный жест. — Хочется петь и смеяться. И растут крылья. Вот только снегов нет. «Снега Олимпа», а их нет. Непорядок, а? Впрочем, и так хорошо. Тебя не тянет полетать? Так бы, кажется, и взмыл. Сплошной иррационализм. «Есть упоение в бою и в бездне мрачной на краю». Почему? Не знаю и не желаю знать.

— А я вот шел сюда за ответом.

— Скучный педант! — Вуколов рассмеялся. — Надоели ответы. Всю жизнь ищем ответы, только этим и заняты. Да погляди вокруг, а то уперся в свои размышления... Силища-то какая! И вроде бы ничего исключительного. Ну высота, ну даль. Воздух внизу, планета у ног. А невозможно оторваться. Все на пределе, все сверх предела — и до солнца рукой подать.

— Вот-вот, — серьезно, даже со вздохом сказал Омрин. — Взошли, тут тебе и радость, и опьянение, и гимны действительно хочется петь. А ведь просто так радость не дается, это всегда награда. Но здесь за что?

Голос Омрина прозвучал так, что Вуколов насторожился.

— К чему ты клонишь? — спросил он нехотя. Тон Омрина сбивал настроение.

— Ты ничего тут не замечаешь... особенного?

— Особенного?

Вуколов огляделся в недоумении. И снова, только иначе, его поразила дикая мощь природы. Он даже почувствовал себя в ней лишним. Тут все было чрезмерным. Человечество целиком могло бы сойти в бездну кратера, уместиться там, и ни единая черточка пейзажа от этого не изменилась бы. Разве что прибавилось бы серое пятнышко на дне. И даже будь здесь воздух, крик миллионов заглох бы тут, нигде не достигнув края.

— Здесь нет ничего особенного, — Вуколов невольно понизил голос. — И тут все особенное. В самом деле! Эта гора могла бы стать треном бога или сатаны, но, к счастью, мы вышли из детского возраста. Мы поднялись на самую большую из доступных нам вершин солнечной системы, вот и все. Радуйся, человек!

— Поднялись, рискуя всем! — отрывисто бросил Омрин. — Спрашивал ли ты себя, ради какой цели?

Вуколов пожал плечами, насколько это было возможно в скафандре, и откинулся, облокотясь о скалу.

— Ну, спрашивал, — ответил он нехотя. — Что дальше?

— Надо разобраться. Две главные потребности определяют поведение живых существ и человека. Потребность в пище в благоприятных условиях — раз, потребность в продолжении рода — два. Стоят они за нашим поступком?

— К чему эта азбука теории психогенеза? — Вуколов поморщился. — Тоже мне нашел место и время! Ладно, ладно, отвечу: не стоят. Доволен? Или напомнить, что, кроме этих базисных потребностей...

— ...есть и другие! Для тех, кто живет вне сообщества, нет ничего, кроме прозябания и смерти. Отсюда третья главная потребность — тяга к единению с себе подобными. И тут ясно, что не она двигала нами. Остается последняя базисная потребность. Та, без которой невозможен опыт, а следовательно, приспособление.

— Вот, вот! Поздравим себя с тем, что нас привела сюда страсть к познанию, и покончим с самокопанием. Нас ждут го-о-ры!

Омрин, не скрывая иронии, фыркнул.

— Веришь ли ты сам в то, что говоришь? Страсть к познанию... С орбиты можно рассмотреть, исчислить любую песчинку, а много ли увидишь отсюда? Там, на спутниках, стационарные лаборатории, а что у нас? Какой анализ нельзя провести оттуда? Какое наблюдение обязательно требует присутствия человека здесь?

— Ладно, ладно, — все более досаждая на никчемный спор, проворчал Вуколов. — Согласен, что наш поступок блажь. Или, если уж на то пошло, для самооправдания, — атавизм: непременно все надо потрогать руками. Даже если они в перчатках. Ну и что? Блажь так блажь, не единым хлебом да познанием жив человек. И нечего искать глубокую причину, тут и без нее прекрасно.

— А ведь хочется найти причину-то?

— Вот пристал! — сердясь, отмахнулся Вуколов. — Да ты взгляни, — он протянул руку. — Ведь мы первые видим это! Какое молчание во всем... Космический сон планеты. Хребты у наших ног точно спины древних чудовищ. Время попиравало, смотри, как они обглоданы! Нет, этого словами не выразишь. Художник, поэт нужен! А ты пристал с анализом. Что, как, отчего... Нет тут никакой проблемы.

— Проблема есть, — глухо отозвался Омрин, вставая. — И тебе, милый, она тоже не дает покоя. Блажь, ради которой рискуют жизнью? Шальной порыв, удовлетворение которого дает такое счастье? Чепуха! Природа расчетлива: радость, как и горе, служит целям выживания, и стоит в них покопаться, как наружу выйдет потребность, исток которой теряется в эволюции жизни.

— Пятая базисная потребность — очертя голову лезть в горы? — насмешливо, уже не скрывая раздражения, бросил Вуколов. — Какая досада, что науке известны только

четыре! Мы можем сделать большое открытие, доказав пятую.

«Сейчас я пошлю его к черту...»

— За доказательством я и шел сюда.

Это было сказано так, что Вуколов с удивлением воззрился на приятеля. Всегда тихого Омрина было не узнать. Он вырос, как будто, распрямясь, заполнил собой пространство, и сверху на Вуколова глядело темное, страстное, неузнаваемое лицо провидца. «Полно, — изумленно ахнул Вуколов. — Тот ли это человек, с которым я столько месяцев делил комнату? Что произошло, откуда, и можно ли до конца понять другого?»

— Есть пятая могучая потребность, — слова прозвенели как медь. — Она существует, она есть, такое, как здесь, подтверждение я не ожидал найти и все-таки шел сюда с этой мечтой...

У Омрина перехватило дыхание. Забыв обо всем, Вуколов смотрел на него немо и потрясенно.

— Слушай! Дерево растет, пока держат корни, рыба стремится заполнить океаны икрой, человек жадно вглядывается в недостижимые дали галактик. Все стремится к пределу и за предел. Рост дерева часто опережает устойчивость корня, рыба гибнет на порогах, чтобы отметить икру, человек сам, по доброй воле, надламывает себя работой. Жертвенно, глупо противоречит инстинкту самосохранения, наконец! И почему, почему эволюция, которая безжалостно отметаёт лишнее, допустила такое расточительство, не умерила, не отрегулировала порыв? Да потому, что это рационально, выгодно для существования вида! Малые усилия — малый выигрыш, и уж на лезвии — а жизнь балансирует на лезвии! — так вовсе проигрыш. Не-е-ет! Полное напряжение и полная отдача — вот залог и резерв процветания. За это, за отдачу на пределе, за переход через предел, нам и дается блаженство. Все стремится осуществить себя, реализовать свою функцию, вот это-то и создает неукротимый, причудливый, даже беспощадный в своих всплесках напор жизни! Такие уж правила игры, что не посидишь сложа руки; тут закон! И нарушение его для нашего брата в лучшем случае карается скукой, от которой и свет немил. А горы, что ж, частный случай, хотя и выразительный. Выход за пределы в его, так сказать, самом чистом виде. Так-то!

«Вот это да!» — мысленно восхитился Вуколов, переживая и недоумение, и восторг. Но в нем уже проснулся настороженный скептик.

— Интересно! — воскликнул он искренне. И тут же осторожно добавил: — Только исключений здесь, пожалуй, больше, чем правил...

— А как же! — просяив, чему-то обрадовался Омрин. — Потребность в продолжении рода и то не всем свойственна! Тоже входит в правила. Однородная, одинаковая масса инертна, непластична, а условия-то меняются! Сегодня важнее то, завтра это, тут в миллионах большое разнообразие должно быть. Иначе...

Омрин сделал жест, каким римляне посылали гладиатора на смерть.

— Уф! — словно стряхивая наваждение, шумно вздохнул Вуколов. Новый образ человека, которого он так давно знал, теперь беспокоил его, как все непонятное. — Стройная гипотеза, но сомнительная. Впрочем, ты что-то говорил о доказательствах. Здесь?

— Именно здесь.

— Ну-у... Что-то я их не замечаю. Фобос взошел на горизонте — вижу. Такой симпатичный опаловый серпик... — Вуколов на ощупь искал верный тон. — Тень в кратере сместилась, теперь там блестит что-то желтое, сера, должно быть. А жизни здесь нет. И быть не может. Разве что мы с тобой? А больше никаких доказательств. Пошутил, а?

— Нет! — Омрин торжествующе рассмеялся. Пророк в нем исчез. — Снега Олимпа! Не мы первые, и до нас тут была жизнь.

— Где?!

— А ты взглядишь, поищи, как я искал.

Чужое возбуждение передалось Вуколову. Он встал. Его настороженный, недоверчивый взгляд перебегал от кручи к круче, замирал, устремляясь то в ослепительные, то в черные бездны, но встречал лишь залитый солнцем хаос, величественную панораму скал, камень, который со дня своего вулканического зарождения был мертв окончательно и навсегда. Грозной и прекрасной неподвижностью веяло отовсюду, ибо даже в самые неистовые бури, когда воздух Марса обращается в смерч, вершина Никс Олимпика безмятежно парит над клокочущей мглой песка.

— Здесь нет ничего.

— Не там смотришь, — кротко сказал Омрин. — Не там и не так.

— А как?

— Сначала видит мысль, а уж потом глаз. На Марсе тысячи непокоренных гор, а нас потянуло на самую высокую. Почему? Потому что она самая высокая! Но если потребность осуществить себя привела нас именно сюда, то она могла привести сюда и кого-то другого. Можешь ты представить иных, но лишенных хоть одной базовой потребности разумных существ?

— Но послушай!..

— Нет, ты ответь.

— Хорошо. В бесконечной вселенной...

— Оставь бесконечность в покое! Законы природы общи для всей Галактики. Разумные существа могут есть не хлеб, а камень, дышать не воздухом, а огнем, быть не из белка, а из хрусталя, но они должны питаться, размножаться, жить в обществе, изучать мир и стремиться к недостижимому. Значит, если кто-то когда-то, пока существует Никс Олимпика, пересек межзвездные расстояния, он, располагая временем, мог захотеть подняться на высочайшую — никакую другую! — вершину солнечной системы.

— Какое дикое допущение!

— Мы, однако же, здесь. И лазерный резак мы прихватили не только затем, чтобы вырубить ступени. Кстати сказать, для росписи любой из нас выбрал бы скалу в самой высокой точке. Так?

— Так, — машинально подтвердил Вуколов.

— Тогда зайди вот за этот выступ скалы и посмотри, что у тебя над головой.

Вуколов на внезапно ослабевших ногах сделал несколько шагов, взгляделся и вдруг зажмурился, как от вспышки. Но и в потрясенной тьме сознания продолжали гореть письмена, врезанные в скалу задолго до того, как человек поднялся на первую свою гору.